
Денис Алексеев
Татуировки-путешественники
Dreamer

Денис Алексеев

Татуировки-путешественники

https://litres.ru/74328218
SelfPub; 2026

Аннотация

Артём, замкнутый библиотекарь, обретает магический компас-татуировку, ведущий к реке Снов. Вместе с капитаном Кирой он плывёт на «Сновидце», собирая потерянные эмоции города: забытые перчатки, игрушки и несказанные слова. Преодолевая штормы сомнений и искушаясь чужими воспоминаниями, герои учатся доверию и любви. Им предстоит исцелить сердце реки — Кристалл Желаний, чтобы спасти город от хаоса несбывшихся надежд. История о том, как порядок уступает место жизни, а страх — свободе быть собой.

Содержание

Глава 1. Чернила и тишина 4
Глава 2. Зов реки 19
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Денис Алексеев
Татуировки-путешественники

Глава 1. Чернила и тишина

Воздух в читальном зале Центральной городской библиотеки имени Гоголя всегда имел один и тот же вкус: смесь старой бумаги, клеящего вещества для переплетов и пыли, которая оседала на всем сорок лет, не решаясь упасть окончательно. Для Артёма этот запах был не просто ароматом, а структурой. Он держал мир в равновесии. Пока пахло бумагой, значит, книги стояли на своих местах, каталоги были заполнены, а время текло линейно, предсказуемо и безопасно, как стрелка часов, отмеряющая секунды до закрытия.

Артёму было двадцать девять лет, и его жизнь напоминала идеально составленный библиографический указатель. Каждое утро он просыпался в семь тридцать, без будильника, потому что внутренний ритм его организма был откалиброван точнее швейцарского механизма. Завтрак состоял из овсянки на воде и черного кофе без сахара — никаких излишеств, никаких сюрпризов. Одежда висела в шкафу по цветовой гамме: от темно-синего к серому, от серого к черно-

му. Никаких ярких пятен, никаких неожиданных сочетаний. Яркие пятна пугали. Они нарушали порядок. Они требовали внимания, которое Артём предпочитал экономить, направляя его исключительно на работу.

Он любил свою работу не за романтику знаний, а за тишину. В огромном зале с высокими потолками и рядами дубовых стеллажей, уходящих в полумрак, царствовала особая, густая тишина. Это была не пустота, а наполненность. Тысячи голосов, запертых между страницами, шептались друг с другом, создавая низкочастотный гул, который Артём слышал кожей. Он был реставратором редких изданий, хранителем чужих мыслей, застывших во времени. Его пальцы, длинные и бледные, с коротко остриженными ногтями, касались корешков книг с такой бережностью, с какой хирург касается сердца пациента. Каждая трещина на переплете, каждое выцветшее пятно на титульном листе были для него диагнозом, который нужно было поставить и вылечить.

— Артём Викторович, — раздался голос заведующей отделом, Марии Петровны. Она стояла в дверях, держа в руках папку с накладными. Ее лицо, привыкшее к выражению легкой озабоченности, сегодня казалось особенно напряженным. — Вам нужно спуститься в архив. Там обнаружили партию книг из частного собрания графа Воронцова. Они в ужасном состоянии. Влажность, плесень... Я боюсь, мы можем потерять «Историю государства Российского» Карамзина, если вы не займетесь ими сегодня же.

Артём кивнул, не отрывая взгляда от микроскопа, под которым лежал фрагмент страницы XVIII века. — Я закончу реставрацию устава купеческого цеха через двадцать минут и спущусь. Подготовьте помещение. Температура восемнадцать градусов, влажность не более сорока пяти процентов. И принесите новые перчатки. Нитриловые.

Мария Петровна вздохнула, словно хотела сказать что-то еще, что-то личное, возможно, спросить, почему он снова отказался пойти с коллегами в бар в пятницу, или напомнить, что ему пора бы подумать о семье, но передумала. Артём был как книга в твердом переплете: надежный, прочный, но непроницаемый. Чтобы прочитать его, нужен был особый ключ, которого ни у кого не было. Да и сам Артём не хотел, чтобы его читали. Он предпочитал оставаться аннотацией.

Когда дверь закрылась, тишина в кабинете стала еще гуще. Артём снял очки и потер переносицу. На стеклах остались отпечатки пальцев, маленькие круги жира и пота. Он протер их специальной салфеткой, возвращая стеклу идеальную прозрачность. Прозрачность была важна. Через нее мир казался четким, лишенным искажений. Но сегодня, несмотря на всю свою любовь к порядку, Артём чувствовал странное беспокойство. Оно сидело где-то под ребрами, как заноза, которую не видно, но которая напоминает о себе каждым движением.

За окном стоял июль. Жара в городе была невыносимой. Асфальт плавился, превращая улицы в липкие черные реки,

по которым медленно текли машины, издавая звуки, похожие на стоны уставших животных. Воздух дрожал над крышами, искажая контуры зданий. Даже тени казались тяжелыми и вязкими. В библиотеке же было прохладно, благодаря старым системам кондиционирования, которые гудели где-то в стенах, как старые, верные псы. Но эта прохлада была искусственной, стерильной. Она не освежала, а консервировала.

Артём закончил работу с уставом, аккуратно уложил инструменты в футляр, запер кабинет и спустился в архив. Работа с книгами графа Воронцова заняла весь остаток дня. Плесень оказалась агрессивной, споры въелись в бумагу так глубоко, что пришлось использовать химические растворы, запах которых перебивал даже привычный аромат старины. К семи вечера, когда солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо в грязно-оранжевые тона, Артём вышел из здания библиотеки.

Улица встретила его волной жара. Пот мгновенно проступил на лбу, рубашка прилипла к спине. Артём поморщился. Он ненавидел лето. Лето было хаотичным. Люди становились раздражительными, одежда — слишком легкой и открытой, планы — спонтанными. Летом все стремились куда-то, бежали, кричали, смеялись слишком громко. Зимой город засыпал под снегом, становился монохромным и тихим, как страница рукописи. Зимой Артём чувствовал себя дома. Летом он чувствовал себя экспонатом, выставленным

на всеобщее обозрение.

Он поправил рюкзак на плече и пошел домой. Его маршрут был неизменен: три квартала по улице Ленина, поворот на набережную, мост через реку, еще два квартала до дома. Он шел, опустив голову, глядя на асфальт, считая трещины. Одна, две, три... Этот ритуал успокаивал. Цифры не лгали. Цифры не меняли своего значения в зависимости от настроения прохожих или погоды.

Но сегодня цифры сбивались. Трещины сливались воедино, образуя странные узоры, похожие на карты несуществующих земель. Артём остановился, моргая. Ему показалось, что асфальт под ногами слегка пульсирует. Он покачал головой, списывая это на усталость и обезвоживание. Нужно было выпить воды. Или кофе. Кофе всегда помогал вернуть ясность ума.

Он свернул на набережную. Река, обычно мутная и спокойная, сегодня казалась беспокойной. Волны бились о бетонные плиты причала с необычной силой, словно пытаясь вырваться на сушу. Вода отражала закатное небо, но цвета были какими-то неправильными: фиолетовыми, болезненно-розовыми, почти черными. Артём почувствовал легкий головокружение. Ему захотелось сесть, закрыть глаза и подождать, пока мир перестанет качаться.

Именно в этот момент он увидел вывеску.

Она висела над входом в небольшое здание, затиснутое между двумя старыми доходными домами. Вывеска была

сделана из темного дерева, буквы выжжены глубоко и неровно, словно их выводила дрожащая рука. «Живая Кожа». Ниже, мелким шрифтом, было приписано: «Тату-салон. Искусство боли и памяти».

Артём никогда раньше не замечал этого места. Он проходил здесь сотни раз, каждый день, годами. Здесь всегда была стена, покрытая граффити, или забор стройки. Но теперь здесь стояла дверь. Дверь из массивного дуба, с железной ручкой в виде змеи, кусающей свой хвост. Окна салона были затемнены, но сквозь щели в ставнях пробивался теплый, янтарный свет.

Стрелка компаса в его голове, та самая, что всегда указывала на безопасность и порядок, вдруг дернулась. Артём замер. Его сердце, обычно бьющееся ровно и тихо, сделало странный кувырок. Он хотел пройти мимо. Разум кричал ему: «Иди домой. Примни душ. Приготовь ужин. Читай книгу. Не смотри на эту дверь». Но ноги не слушались. Что-то тянуло его к этой вывеске, как магнит тянет железо. Это было не любопытство. Это было узнавание. Словно он забыл что-то очень важное, и ответ был за этой дверью.

Артём сделал шаг к двери. Потом еще один. Его рука сама потянулась к железной ручке-змее. Металл оказался неожиданно теплым, почти горячим. Когда он нажал, дверь открылась без скрипа, плавно, словно приглашая войти.

Внутри пахло совсем иначе, чем в библиотеке. Здесь пахло травами, чем-то пряным и горьким, напоминающим по-

лынь, и сладковатым запахом горячего воска. И еще чем-то металлическим, острым, как запах крови после пореза. Свет был приглушенным, исходил от множества свечей, расставленных на полках, заставленных банками с неизвестными жидкостями, пучками сухих трав и странными инструментами, похожими одновременно на медицинские скальпели и художественные резцы.

Посреди комнаты, за большим столом из необработанного дерева, сидел человек. Он был занят работой: склонившись над чем-то маленьким, он водил тонкой кистью, оставляя на поверхности следы чернил. Человек поднял голову.

Это был мужчина лет пятидесяти, с длинными седыми волосами, собранными в небрежный хвост, и густой бородой, в которой поблескивали мелкие серебряные кольца. Его глаза были разного цвета: один карий, теплый и глубокий, другой — светло-серый, холодный и пронзительный. На руках, от кистей до локтей, кожа была покрыта татуировками. Они не были статичными рисунками. Чернила под кожей медленно перетекали, меняя форму, словно живые существа, ползущие по венам.

— Добро пожаловать, Артём, — сказал мужчина. Его голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой. — Я ждал тебя.

Артём опешил. — Вы знаете мое имя?

Мужчина улыбнулся, и в этой улыбке было столько понимания, что Артёму стало не по себе. — Имена — это лишь

ярлыки. Но да, я знаю, кто ты. Ты тот, кто боится шума. Тот, кто прячется за страницами, потому что боится прочитать собственную жизнь. Ты тот, кто считает, что порядок спасет его от хаоса, но забывает, что жизнь — это и есть хаос. Прекрасный, ужасный, необходимый хаос.

Артём хотел развернуться и уйти. Это было безумие. Этот человек был сумасшедшим. Но он не мог пошевелиться. Слова мастера попадали точно в цель, вскрывая те самые занозы, о которых Артём старался не думать.

— Кто вы? — спросил он тихо.

— Меня зовут Данила, — ответил мастер, откладывая кисть. — Я художник. Но рисую я не на холсте. Холст слишком мертв. Я рисую на коже. На живой ткани, которая дышит, чувствует, помнит. Мои татуировки — это не просто картинки. Это спутники.

Он встал и обошел стол, подходя к Артёму. Данила был выше, чем казался сидя. От него исходила сила, спокойная и древняя, как сила старого дерева.

— Зачем ты пришел сюда, Артём? — спросил Данила, глядя ему прямо в глаза.

— Я... я не знаю, — честно признался Артём. — Я просто шел домой. Увидел вывеску. И... меня потянуло.

— Тебя потянуло, потому что ты готов, — сказал Данила. — Твоя душа истощилась от тишины. Ей нужен звук. Ей нужен риск. Ей нужен компас, который укажет путь не туда, где безопасно, а туда, где нужно быть.

Данила протянул руку и коснулся предплечья Артёма. Пальцы мастера были горячими, шершавыми. Артём вздрогнул, но не отдернул руку.

— Я предлагаю тебе не просто рисунок, — продолжал Данила. — Я предлагаю тебе спутника. Маленький, незаметный для других, но огромный для тебя. Он будет частью тебя. Он будет говорить с тобой на языке ощущений. Боли, тепла, холода. Он приведет тебя туда, где ты нужен. Или где нужен тебе.

— Что это будет? — прошептал Артём. Его разум сопротивлялся, но сердце уже согласилось. Оно билось часто и сильно, требуя перемен.

— Компас, — сказал Данила. — Но не тот, что показывает север. Тот, что показывает судьбу.

Артём посмотрел на свое предплечье. Кожа была бледной, почти прозрачной, с выступающими синими венами. Он представил, как чернила войдут в нее, как боль станет частью его тела, как рисунок начнет жить своей жизнью. Страх был огромным, черным и липким. Но рядом со страхом росло нечто другое. Надежда? Любопытство? Жажда жизни?

— Будет больно? — спросил Артём.

— Боль — это цена за пробуждение, — ответил Данила. — Без боли нет изменений. Без изменений нет жизни. Ты можешь отказаться. Дверь открыта. Ты можешь вернуться в свою библиотеку, в свою тишину, в свой безопасный, мертвый порядок. И никто не осудит тебя. Но знай: если ты уй-

дешь сейчас, эта дверь исчезнет. И второго шанса не будет.

Артём закрыл глаза. Он увидел свою квартиру: аккуратную, чистую, пустую. Он увидел свои книги: красивые, нетронутые, одинокие. Он увидел свое отражение в зеркале: человека, который существует, но не живет. И вдруг ему стало невыносимо тоскливо. Тоскливо так, что захотелось закричать.

— Я остаюсь, — сказал он, открывая глаза. Голос его дрожал, но в нем появилась твердость, которой не было раньше.

Данила улыбнулся, и на этот раз в его улыбке не было насмешки, только уважение. — Садись, — он указал на кожаное кресло рядом со столом. — Расслабься. Доверься мне. И доверься себе.

Артём сел. Данила достал из ящика стола небольшой инструмент, похожий на ручку, но с иглой на конце. Рядом стояла баночка с черными чернилами, которые казались гуще обычной туши. Они блестели, словно в них были добавлены частицы металла.

— Закрой глаза, — приказал Данила. — Представь место, куда ты хочешь попасть. Не думай о географии. Думай о чувстве. О том, чего тебе не хватает.

Артём закрыл глаза. Он попытался представить море. Горы. Город, которого не существует. Но образы были размытыми. Тогда он перестал стараться контролировать мысли. Он позволил им течь. Он вспомнил детство, когда он бегал по лесу, не боясь заблудиться. Он вспомнил первый поце-

луй, который оборвался на полуслове. Он вспомнил чувство, когда находил в книге закладку, оставленную кем-то сто лет назад. Чувство связи. Чувство принадлежности к чему-то большему.

Он почувствовал укол. Острый, короткий. Затем тепло, разливающееся по руке. Боль была не такой сильной, как он ожидал. Она была чистой, ясной. Она будила нервы, заставляла кровь бежать быстрее. Артём слышал, как Данила что-то шепчет, слова были непонятными, древними, похожими на заклинание. Запах трав стал сильнее. Воздух вокруг загустел, стал вязким, как мед.

Время потеряло смысл. Минуты растягивались в часы, часы сжимались в секунды. Артём находился в состоянии транса, между сном и бодрствованием. Он видел сны наяву. Он видел реку, текущую сквозь город. Он видел корабли, плывущие по облакам. Он видел девушку с глазами цвета штормового моря, которая смотрела на него и улыбалась.

Когда он открыл глаза, солнце уже село. За окнами салона была ночь. В комнате горели только свечи. Данила стоял рядом, вытирая руки тряпкой. На предплечье Артёма, там, где еще утром была только бледная кожа, теперь красовался маленький, изящный компас.

Рисунок был выполнен с невероятной точностью. Стрелка, корпус, деления — все выглядело реалистично, словно миниатюрная модель настоящего прибора. Но самое странное было не в деталях. Самое странное было в том, что стрел-

ка компаса двигалась.

Она медленно, едва заметно, покачивалась, указывая не на север, а в сторону окна, туда, где за городскими крышами начинались леса и поля.

Артём провел пальцами по рисунку. Кожа вокруг татуировки была теплой, слегка припухшей. Чернила под кожей казались живыми, пульсирующими в такт его сердцу.

— Готово, — сказал Данила. — Теперь он твой.

— Как он работает? — спросил Артём, не сводя глаз с компаса.

— Он реагирует на твои эмоции и на потребности твоей души, — объяснил мастер. — Когда ты будешь двигаться в правильном направлении, он будет греться. Когда ты свернешь не туда, он будет холодеть. Если ты будешь игнорировать его зов, он начнет покалывать. Больно, но терпимо. Это напоминание.

— А если я захочу его снять?

Данила покачал головой. — Его нельзя снять. Он часть тебя теперь. Как шрам. Как память. Как совесть.

Артём встал. Ноги были немного ватными, голова кружилась. Он чувствовал себя опустошенным, но одновременно наполненным чем-то новым, светлым и пугающим.

— Сколько я должен? — спросил он, доставая кошелек.

Данила рассмеялся. — Деньги здесь не имеют веса. Цена уже уплачена. Твоей смелостью. Твоей болью. Твоей готовностью измениться. Иди, Артём. Следуй за стрелкой. И не

бойся заблудиться. Иногда, чтобы найти себя, нужно сначала потеряться.

Артём вышел из салона. Ночь была теплой, звездной. Город спал, но этот сон был другим. Не мертвым, а ожиданием. Артём посмотрел на свое предплечье. Стрелка компаса дрожала, указывая вдаль, за пределы города, туда, где река уходила в туман.

Он глубоко вдохнул ночной воздух. В нем больше не пахло только пылью и старой бумагой. В нем пахло дождем, свободой и неизвестностью.

Артём пошел домой, но его шаги были другими. Легче. Быстрее. Он больше не считал трещины на асфальте. Он смотрел на звезды. И впервые за много лет он не знал, что будет завтра. И это знание, это незнание, было самым прекрасным чувством в мире.

Он вернулся в свою квартиру, включил свет. Все было на своих местах. Книги на полках, чашка на столе, кровать заправлена. Порядок. Но теперь этот порядок казался ему клеткой. Красивой, удобной, но клеткой.

Артём подошел к окну. Отсюда было видно реку. Она текла темной лентой, отражая огни города. И ему показалось, что вода зовет его. Тихо, настойчиво, как шепот.

Он посмотрел на компас на руке. Стрелка указывала именно на реку.

Артём улыбнулся. Усталая, робкая улыбка, но искренняя.

— Хорошо, — прошептал он в тишину комнаты. — По-

смотрим, куда ты меня приведешь.

Он лег спать, но долго не мог уснуть. Лежал в темноте, слушая биение своего сердца и чувствуя тепло татуировки на руке. Компас молчал, но Артём знал: это только начало. Тишина заканчивалась. Начиналась музыка. Музыка ветра, воды и собственной, наконец-то проснувшейся души.

На следующее утро Артём проснулся позже обычного. Солнце било в окна, слепя глаза. Он потянулся, чувствуя приятную ломоту в мышцах, словно после тяжелой физической работы. Встал, подошел к зеркалу. Отражение смотрело на него новыми глазами. В них появился блеск. Интерес.

Он оделся, выбрав не серую рубашку, а синюю. Цвет неба. Цвет реки.

Выходя из дома, он проверил компас. Стрелка все еще указывала на север-запад, в сторону пристаней.

Артём пошел не в библиотеку. Он позвонил Марии Петровне и сказал, что берет отгул. По болезни. Это была первая ложь в его упорядоченной жизни. И она tasted sweet, как запрещенный фрукт.

Он шел к реке. Жара уже начинала набирать силу, но Артём не обращал на нее внимания. Он шел, чувствуя, как компас на руке становится все теплее и теплее. Чем ближе он подходил к воде, тем сильнее становилось ощущение. Это было не просто тепло. Это был зов.

На пристани было пусто. Только старый сторож дремал в будке. Артём прошел вдоль берега, глядя на воду. Река бы-

ла спокойной, маслянистой. Но под поверхностью, ему казалось, кипела жизнь.

И вдруг он увидел его. Старый, потертый речной трамвайчик, пришвартованный к дальнему пирсу. На борту было написано выцветшими буквами: «Сновидец».

Компас на руке Артёма вспыхнул жаром, заставив его вскрикнуть от неожиданности. Стрелка замерла, указывая прямо на трамвайчик.

Артём остановился. Сердце колотилось. Он посмотрел на трамвайчик, потом на свою руку, потом снова на трамвайчик.

— Ну что ж, — сказал он вслух, и голос его прозвучал твердо. — Похоже, билет уже куплен.

Он сделал шаг к пирсу. Шаг в неизвестность. Шаг в жизнь.

Ветер подул с реки, принося запах тины, рыбы и далеких гроз. Артём вдохнул этот запах полной грудью. И улыбнулся.

Тишина осталась позади. Впереди была река.

Глава 2. Зов реки

Жар в предплечье не утихал. Он пульсировал ровными, настойчивыми волнами, синхронизируясь с ударом сердца. Артём стоял на краю бетонной набережной, глядя на темную воду, и чувствовал, как стрелка компаса под кожей тянет его руку вперед, словно невидимая нить, привязанная к чему-то за горизонтом. Это было физическое ощущение, почти осязаемое: легкое покалывание, переходящее в жжение, если он пытался отвернуться или сделать шаг в сторону от направления, указанного татуировкой.

Он попытался сопротивляться. Разум, воспитанный годами дисциплины и логики, бунтовал. «Это галлюцинация, — шептал внутренний голос, похожий на голос Марии Петровны. — У тебя обезвоживание. Тепловой удар. Ты начитался мистики и теперь твой мозг играет с тобой злые шутки. Иди домой. Выпей воды. Примни холодный душ».

Артём сделал шаг влево, прочь от реки, в сторону тенистых аллей парка. Боль вспыхнула мгновенно. Острая, колючая, как тысяча мелких иголок, впившихся в кожу. Он вскрикнул, хватаясь за предплечье. Прохожая женщина с коляской испуганно посмотрела на него, но Артём не заметил её взгляда. Весь его мир сузился до точки жжения на руке.

— Ладно, — прошептал он, стиснув зубы. — Я понял.

Он развернулся и пошел вдоль берега, следуя за указу-

ющим перстом собственной кожи. Компас успокоился, жар сменился приятным теплом, напоминающим прикосновение ладони близкого человека. Артём шел быстро, почти бежал. Его обычная неторопливая, размеренная походка сменилась лихорадочной рысью. Рюкзак с библиотечными книгами, который он обычно нес с такой бережностью, сейчас бился о спину, мешая дышать, но ему было все равно. Он чувствовал себя живым. По-настоящему живым. Впервые за долгие годы адреналин разливался по венам, заглушая страх и сомнения.

Город вокруг менялся. Знакомые улицы казались искаженными, словно отражение в кривом зеркале. Здания тянулись вверх, становясь выше и мрачнее, тени от деревьев становились длиннее и гуще. Воздух стал тяжелым, влажным, пахнущим илом и чем-то сладковатым, напоминающим увядшие лилии. Артём заметил, что люди вокруг двигались замедленно, их лица были размытыми, нечеткими, будто они были нарисованы акварелью по мокрой бумаге. Только он один был резким, четким, реальным в этом плывущем мире.

Он прошел мимо старого моста, мимо заброшенного завода, мимо рядов гаражей, покрытых граффити. Компас вел его все дальше, в промышленную окраину города, туда, где асфальт сменялся грунтовыми дорогами, а многоэтажки — низкими складами и ангарами. Здесь было тихо. Птицы не пели. Собаки не лаяли. Только гул реки становился все громче, превращаясь в низкий, вибрирующий рокот, который

ощущался не только ушами, но и грудной клеткой.

Наконец, он вышел к старой пристани. Это место казалось вымершим. Деревянные настилы сгнили, металлические лестницы проржавели, превратившись в бурые скелеты, торчащие из воды. Но в конце длинного, покосившегося пирса стояло судно.

Оно не было похоже на современные прогулочные катера или грузовые баржи. Это был старый речной трамвайчик, двухпалубный, с широким носом и высокой кормой. Корпус его был покрашен в темно-зеленый цвет, местами облупившийся, обнажающий серую сталь. На борту, крупными, слегка выцветшими буквами, было написано имя: «Сновидец».

Артём замер. Сердце пропустило удар. Компас на руке вспыхнул так ярко, что ему показалось, будто кожа светится изнутри. Стрелка дрогнула и замерла, указывая прямо на капитанский мостик трамвайчика.

— Вот оно, — выдохнул Артём. — Вот куда ты меня вел.

Он осторожно ступил на шаткие доски пирса. Дерево скрипело под ногами, жалуясь на вес непрошеного гостя. Вода под пирсом была неподвижной, черной, как нефть. В ней не было отражений. Небо, деревья, сам Артём — ничего не отражалось в этой глубине. Она поглощала свет, создавая ощущение пустоты, бездны.

Поднявшись по шаткой лесенке на борт «Сновидца», Артём оказался на нижней палубе. Здесь пахло машинным маслом, старым деревом и чем-то еще — запахом озона после

грозы. Дверь в рубку была приоткрыта. Из нее доносился тихий звук: кто-то настраивал гитару, перебирая струны. Мелодия была простой, грустной, узнаваемой. Это была песня, которую Артём слышал в детстве, когда сидел на коленях у деда.

Он подошел ближе и заглянул внутрь.

Капитанский мостик был уютным, несмотря на ветхость судна. Стены были обшиты полированным деревом, на полках стояли старые морские приборы: секстанты, подзорные трубы, барометры в медных оправках. За штурвалом стояла девушка.

Она была спиной к нему, но Артём сразу заметил детали. Короткие, стриженые волосы цвета воронова крыла, выбивающиеся из-под красной банданы с изображением черепа. Тельняшка, заправленная в потертые джинсы. Босые ноги, уверенно стоящие на палубе. Она играла на акустической гитаре, и пальцы её бегали по ладам с виртуозной легкостью.

Артём кашлянул, чтобы привлечь внимание.

Девушка резко оборвала мелодию. Струны звонко щелкнули. Она медленно обернулась.

Её лицо было резким, скуластым, с прямым носом и тонкими губами. Но главным были глаза. Большие, широко расставленные, цвета штормового моря — серо-зеленые, с темными крапинками вокруг зрачков. В этих глазах не было приветствия. Только холодная оценка и легкое раздражение.

— Пассажиров нет, — сказала она. Голос у неё был хрип-

лый, низкий, с легкой хрипотцой курильщика. — Рейсов нет. Частных прогулок не совершаю. Проваливай.

Артём растерялся. Он ожидал увидеть кого-то мудрого, таинственного, возможно, старика в шляпе, как в книгах. Но эта девушка выглядела так, будто могла одним взглядом отправить его за борт.

— Я... я не за рейсом, — начал он, чувствуя, как язык заплетается. — Меня привел сюда... мой компас.

Девушка фыркнула, скептически подняв бровь. — Компас? Ты заблудился в трех соснах, парень? Или ты решил пошутить? У меня нет времени на туристов с игрушками.

Она снова повернулась к штурвалу, демонстрируя полное отсутствие интереса. Но Артём заметил, как её плечи напряглись. Как пальцы сильнее сжали гриф гитары.

Именно в этот момент компас на руке Артёма сделал рывок. Жар стал невыносимым. Стрелка, казалось, хотела вырваться из-под кожи. Она указывала не просто на девушку. Она указывала прямо ей в грудь, в область сердца.

Артём ахнул от боли и одновременно от осознания. Это было не метафорическое совпадение. Это была физическая связь. Его татуировка реагировала на неё. На Киру.

— Подождите, — сказал он, делая шаг вперед. — Пожалуйста. Посмотрите.

Он протянул руку, показывая предплечье с чернильным компасом.

Девушка обернулась снова. На этот раз её взгляд упал на

татуировку. И произошло нечто странное. Её глаза расширились. Холодное раздражение сменилось шоком, а затем — осторожным любопытством. Она внимательно осмотрела рисунок, потом перевела взгляд на лицо Артёма.

— Откуда у тебя это? — спросила она тихо. В её голосе исчезла грубость. Появилась напряженность.

— Мне сделал его мастер по имени Данила, — ответил Артём. — Вчера. Он сказал, что это спутник. Что он приведет меня туда, где я нужен.

Девушка молчала несколько секунд. Потом она медленно опустила гитару на стул и сделала шаг навстречу Артёму. Она была ниже его, но держалась с достоинством капитана, привыкшего повелевать стихией.

— Меня зовут Кира, — сказала она. — А это... — она кивнула на его руку, — ...это большая проблема. Для нас обоих.

— Почему? — спросил Артём.

Кира вздохнула, проводя рукой по лицу. — Потому что мой якорь тоже сошел с ума.

Она отвернулась и задрала ворот тельняшки, обнажив лопатку. Там, на коже, покрытой мелкими шрамами от ожогов или порезов, была набита татуировка якоря. Но этот якорь не был статичным. Чернила под кожей медленно двигались, цепи извивались, как змеи, а сам якорь казался тяжелым, тянущим вниз.

— Он должен держать меня на месте, — объяснила Кира, не глядя на Артёма. — Должен давать устойчивость. Но по-

следние дни он тянет меня куда-то в глубину. Я чувствую, как вода просачивается в мои сны. Как река выходит из берегов. Не физически. Метафизически.

Артём посмотрел на её якорь, потом на свой компас. Стрелка его татуировки теперь дрожала менее интенсивно, но всё ещё указывала на Киру. Между ними возникло невидимое поле напряжения.

— Что значит «река выходит из берегов»? — спросил он.

Кира подошла к иллюминатору и посмотрела на воду. — Река Снов — это не просто вода. Это поток коллективного бессознательного города. Все забытые обещания, несбывшиеся надежды, подавленные желания — всё это попадает сюда. Обычно течение стабильно. Но сейчас... сейчас поток стал хаотичным. Вещи всплывают на поверхность. Воспоминания материализуются. Люди начинают видеть во сне одно и то же. Они теряют связь с реальностью.

Она повернулась к Артёму. — Мой якорь перестал работать, потому что дно стало зыбким. Я не могу удержать корабль в одном месте. Он дрейфует. И если мы не найдем причину аномалии и не вернем реку в русло, город захлебнется в собственных кошмарах.

Артём почувствовал головокружение. Масштаб проблемы был огромным. Он был всего лишь библиотекарем. Он реставрировал книги. Он не спасал города от метафизических наводнений.

— Почему вы рассказываете мне это? — спросил он. —

Почему ваш якорь реагирует на мой компас?

Кира усмехнулась, но в улыбке не было веселья. — Потому что компас ищет путь, а якорь ищет точку опоры. Ты — направление. Я — стабильность. Нас свело вместе не случайно. Данила знает, что делает. Он послал тебя ко мне, потому что я не могу справиться одна. Мне нужен кто-то, кто видит детали. Кто умеет читать знаки. Кто не боится тишины, чтобы услышать шепот реки.

Она подошла ближе и внимательно посмотрела на Артёма. — Ты умеешь слушать, Артём? Не ушами. Душой.

Артём вспомнил библиотеку. Тишину между страницами. Шепот старых книг. Он кивнул. — Да. Я умею.

— Тогда у тебя есть выбор, — сказала Кира. — Ты можешь уйти сейчас. Снять эту татуировку невозможно, но ты можешь игнорировать её. Вернуться в свою безопасную жизнь. Но знай: река не остановится. Хаос придет и в твой упорядоченный мир. Книги начнут менять текст. Полки будут двигаться. Тишина станет криком.

Или ты можешь остаться. Стать моим помощником. Штурманом. Мы пойдем вверх по течению, к источнику аномалии. Будет опасно. Будет больно. Мы будем искать «потерянные вещи» — материальные воплощения забытых эмоций, которые засоряют русло. Нам нужно собрать их и вернуть владельцам или нейтрализовать. Только тогда течение успокоится.

Артём посмотрел на свою руку. Компас пульсировал мяг-

ким, теплым светом. Он посмотрел на Киру. В её глазах он увидел не только силу, но и усталость. Глубокую, древнюю усталость человека, который долго нес тяжелый груз в одиночку.

Он вспомнил свою квартиру. Пустую. Чистую. Мертвую. Он вспомнил чувство, когда нашел закладку в книге столетней давности. Чувство связи с кем-то, кто жил, любил, страдал до него.

— Я остаюсь, — сказал Артём.

Кира выдохнула, словно сбросила с плеч невидимый камень. — Хорошо. Тогда приступим к работе. Сначала научись вязать узлы. Без этого на реке ты бесполезен.

Она указала на клубок толстой пеньковой веревки, лежащий на столе рядом с штурвалом. — Покажи мне морской узел. Любой.

Артём подошел к веревке. Его руки, привыкшие к тонким инструментам реставратора, дрогнули. Он никогда не вязал узлов. Он знал теорию, читал о них в энциклопедиях, но практики не имел.

— Я... я не умею, — честно признался он.

Кира закатила глаза. — Великолепно. Библиотекарь, который не умеет завязывать шнурки. Ладно. Садись. Будем учиться. У нас мало времени. Прилив начинается через час, и вместе с ним поднимется первая волна мусора из снов.

Артём сел на деревянный ящик рядом с ней. Кира взяла веревку и начала показывать. Её пальцы, грубые и сильные,

ловко плели петли. — Это булинь. Самый надежный узел. Запомни: петля, оборот, конец в петлю. Затяни.

Артём повторил. Узел получился кривым, слабым. — Плохо, — сказала Кира. — Еще раз. Медленнее. Чувствуй веревку. Она живая. Она сопротивляется. Ты должен договориться с ней, а не победить её.

Артём попробовал снова. И снова. Пальцы болели. Веревка царапала кожу. Но постепенно, методично, как при реставрации старой страницы, он начал понимать логику плетения. Петля, оборот, конец. Затянуть.

Через двадцать минут у него получился более-менее аккуратный булинь.

— Неплохо, — буркнула Кира, оценивающе кивнув. — Для первого раза. Теперь второй. Восьмерка.

Они работали молча. Только скрип веревки и тихие инструкции Киры нарушали тишину рубки. Артём чувствовал, как меняется атмосфера. Напряжение между ними не исчезло, но трансформировалось. Из противостояния оно превратилось в партнерство. Хрупкое, новое, но настоящее.

Компас на руке Артёма перестал указывать на Киру. Теперь он медленно поворачивался, указывая вверх по течению реки. Стрелка дрожала, ожидая движения.

— Он готов, — сказала Кира, заметив изменение. — Река ждет.

Она подошла к рычагу управления двигателем и потянула его на себя. Старый дизель закашлял, чихнул, выпустил

клуб черного дыма и заработал ровным, низким гулом. Палуба под ногами завибрировала.

«Сновидец» отчалил от пирса. Деревянные сваи остались позади. Вода забурлила под винтами, оставляя белый след пены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.